

Список литературы

1. Анисимова Т.В. Современная деловая риторика. М.: Московский социально-психологический институт; Воронеж, 2002. 432 с.
2. Воронцова Т.А. О соотношении публичный дискурс язык СМИ публичная речь // Вестник Удмуртского университета. Выпуск 3. Серия: История и филология, 2008. С. 17-22.
3. Гостенина В.И., Шилина С.А. Код вербальной коммуникации субъекта власти как отражение языковой личности // IV Всероссийская научная конференция. Сорокинские чтения «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое». Рязань, 2008. С. 81-83.
4. Карасик В.И. Языковые ключи. Парадигма. Волгоград, 2007. 520 с.
5. Манаенко Г.Н. Дискурс и его отношение к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. Ставрополь, 2003. С. 26-40.
6. Полный текст Послания Д. Медведева Федеральному Собранию // Финмаркет. 05.11. 2008. 16:34. Главные новости.
7. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 год / <http://www.intelros.ru/>
8. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Российская газета. - Федеральный выпуск № 4353 от 27 апреля 2007 г.
9. Степанов Ю.С. Филология // Русский язык. Энциклопедия // Гл.ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 593-595.
10. Шарков Ф.И. Современные маркетинговые коммуникации. Словарь справочник. М.: Альфа-Пресс, 2006. 352 с.

Об авторе

Шилина С.А. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, imsuck@rambler.ru

УДК – 811.161.1'373

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ СВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Г.М. Шипицына

В данной статье описываются языковые механизмы фразеологизации свободных словосочетаний на примере неофраземы *отмывание грязных денег*. Этот процесс рассматривается в сопряжении языка и культуры. Отмечается, что анализируемая неофразема оказалась удобной для имплицирования прагматического потенциала словосочетания с учетом российской ментальности нового времени.

Ключевые слова: неофразема, эвфемизация, лингвопрагматика, имплицитные смыслы, смысловая структура фраземы, ментальность россиян.

Фразеологизация – это особый лингвистический процесс, в ходе которого происходит переосмысление базового словосочетания, основанное на сравнении, метафоре, гиперболе, метонимии, эвфемизме, алогизме и т.д. [1, с.17]. Термином фразеологизация мы обозначаем превращение современных свободных сочетаний слов в устойчивые сочетания, обладающие признаками фразеологизма (неофраземы XXI века), при этом не во всем следуем лингвистической традиции (прежде всего советского периода) в понимании длительности этого процесса. Так, известный фразеолог Э.М. Эмирова писала: фразеологизация – это «диахронический процесс приобретения словесным комплексом устойчивости, целостности значения и общеупотребительности, как длительный процесс его вхождения в лексико-фразеологическую систему языка и закрепления на осях синтагматики и парадигматики ...» [2, с.44]. Такую позицию разделял и Л.И. Ройзензон, для которого фразеологизация – это «процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых, относительно устойчивых определенных языковых комплексов» [3, с.114]. Однако в последние годы взгляд на соотношение синхронии и диахронии в образовании фразем изменился в связи с изменениями в самом процессе фразеологизации словосочетаний. Как отмечает В.М. Мокиенко, фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» [4, с.18]. Фразеологизация свободных словосочетаний в настоящее время про-

исходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык «мобилизовал» свои ресурсы для оперативного решения возникших проблем особой номинации и предикации, шадящей воспитанную десятилетиями советскую ментальность так называемого простого человека. Этот процесс обусловлен и модификации языкового сознания. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса языка – это результат лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономазиологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» [5, с.208].

На наш взгляд, в процессе фразеологизации свободных словосочетаний проявляется относительная взаимосвязь их коммуникативных и формально-языковых свойств с этнокультурными и ментальными особенностями носителей языка. Такое понимание этого процесса соответствует современной теории номинации, рассматривающей результаты образования языковых единиц в зависимости от их способности решать коммуникативные задачи современности. Ведь язык – это культурный код нации, он фиксирует не только познанные объекты действительности, но и оценку человеком этих объектов в зависимости от того, как окружающий мир преломлен сознанием, «язык существует в человеке, для человека и реализуется через человека» [6, с.85].

Покажем этот процесс на примере актуализировавшегося на рубеже XX – XXI веков устойчивого сочетания *отмывание грязных денег*, образовавшегося в свою очередь от устойчивого сочетания *грязные деньги* в значении «полученные незаконным путем, связанные с криминалом, преступлением» (ТСРЯ XXI в.). При этом мы оставим в стороне вопрос о степени идиоматичности (или степени семантической слитности) этого сочетания слов. В мотивирующем фразеологизме негативная оценка денег манифестирована словом *грязные*, употребленном в переносном значении «вызывающий моральное отвращение, гнусный» (по МАС) или «нечестный, незаконный, мошеннический» (по ТСРЯ к. XX в.), которое и выражает прагматику осуждения, общественного неприятия способов получения таких денег, продекларированную в толковых словарях в качестве официально правильной точки зрения (имеем в виду и то, что для некоторой части наших граждан эта точка зрения, выражаясь средствами фразеологии, – *пустой звук*, поскольку это им *глубоко фиолетово*). Негативные прагматические смыслы двухкомпонентного фразеологического сочетания стимулировали появление трехкомпонентного фразеологизма *отмывание грязных денег*, который чисто иллюзорно, средствами денотативного уровня поверхностной части своей смысловой структуры вроде бы устраняет негативные оценки в прагматике фраземы *грязные деньги*, поскольку прямыми лексическими значениями компонентов своего состава передает семантику очищения денег, тем самым словно бы изменяет оценочный ореол этой сущности с негативного на позитивный.

Удлинение структуры фраземы явилось следствием «реагирования» языка на жесткую прагматику двучленной фраземы. Картично-образная внутренняя форма фразеологизма *грязные деньги* представляет номинируемое явление в виде всем понятного, бытового образа испачканных грязью денежных купюр, тем самым позволяет «предложить» и выход по спасению испачканных денег – отмыть, очищая их от грязи. Образ, лежащий в основе этой метафоры, ориентирован на массовое сознание, на людей, не имеющих экономического образования, далеких от проблем отмывания грязных денег. Это во многом объясняет, почему столь важные в социально-культурном и коммуникативном планах концепты в современном литературном языке выражаются не прямо лексическим способом (например, не *отмывание*, а *легализация денег*, не *грязных*, а *преступных*), а с помощью образных метафорических фразеологизмов в расчете на то, что нужные люди декодируют нужный им смысл. Например, такого же типа неофраземы *включить печатный станок*, *легализовать цены*, *коридоры власти*, *порог бедности*, *челночный промысел*.

При создании трехкомпонентного фразеологического сочетания *отмывание грязных денег* проявился и момент языковой игры, поскольку в нем отразилось несоответствие оценочных пресуппозиций позитивного плана итоговой коннотации всего трехкомпонентного фразеологизма: в слове *отмывание*. Его основное лексическое значение мотивировано глаголом *отмывать / отмыть* («мытьем очищать от грязи, делать чистым») (МАС), оно нацелено на исправление возникшей ситуации – очищение денег от грязи. В сочетании же с фразеологизмом *грязные деньги* не только не реанимируется основное значение у слова *грязные* («покрытые грязью»), но и само стержневое слово трехкомпонентного сочетания *отмывание*, утрачивая свое основное лексическое значение, приобретает совершенно новый смысл – «легализация (незаконно полученных финансовых средств) путем инвестирования в промышленность, отчисления на благотворительные цели и тому подобное» (ТСРЯ XXI в.). Новое лексическое значение у слова *отмывание* («легализация денег») появилось не стандартным путем, оно возникло не столько на базе внутренней формы в процессе внутрисловной деривации (т.е. не столько от основного значения с денотатом «очистка от грязи») и последующей метафоризации новой семемы, сколько под влиянием мощных прагматических сем слова *грязные* из фраземы *грязные деньги* по принципу синтагматического согласования и взаимовлияния смыслов соседствующих в синтагме слов (при этом свою

роль сыграла и закрытость, цельность этой синтагмы, реализующей совместный смысл). Внутрисловная деривация для слова *отмывание* обеспечила ему звуковую оболочку, тем самым сохранила формальную связь с семемой прототипом – основным значением слова, но не более того. Семантика денотативных сем (образ мытья для очистки от грязи) ослабла, ушла в тень, ее заслонили собой яркие и сильные семы центральной зоны (сигнификативной и денотативной части) смысловой структуры новой семемы, идущие от компонентов *грязные деньги* (особенность грязи требует и особенностей отмывания ее). Семы периферийной зоны и интерпретационный ореол фраземы *грязные деньги* окончательно отрывают новую семему *отмывание* от ее мотивирующей семемы – основного значения слова и закрепляют в ней такую же негативную оценочность. Это вполне соответствует основной тенденции семантического развития языковых единиц: оно начинается с движения именно в периферийной зоне смысловой структуры этой единицы (и в слове, и во фразеологизме). Таким образом трехкомпонентная фразема *отмывание грязных денег* в итоге приобрела функцию номинации двойного преступления и удвоенной негативной оценки этих преступлений.

Данный пример показывает, что оценочные коннотации при воспроизводстве неофраземы утрачивают свою зависимость от внутренней формы ядерного центра в структуре неофраземы – глагола. Она выполнила свою важнейшую миссию на этапе создания языковой единицы, однако в практике функционирования нового оборота в живой речи свою лидирующую роль внутренняя форма утратила, поскольку оказалась неспособной повлиять на дальнейшее наполнение неофраземного семантического и прагматического объема. Процесс приобретения метафорического значения, по сути дела – оценочного оппозита по отношению к основной семеме слова *отмывание*, связанный с переклещением положительной оценочной ориентации интерпретационного ореола семантики слова на отрицательную, – вполне соответствует заметной тенденции завуалированного обозначения негативных явлений современной России с помощью эвфемических словосочетаний, уменьшающих иллюкативную силу сообщений, например, *либерализация цен, свободный рынок, заморозить вклады, нейтрализовать охрану, ветрогонный чай, стерилизация бродячих собак, страховой случай* (о несчастье, в уставе страховой компании), *уйти на заслуженный отдых, компетентные органы* и т. п.

Эвфемизмы в современной речи, особенно в средствах массовой информации, многофункциональны. Они служат весьма удобным средством сообщения о предмете, который не может обсуждаться (или по каким-либо причинам его нежелательно публично обсуждать) в элитном обществе, тяготеющем к изысканным формам выражения, или в так называемых широких массах населения, информацию которому лучше не обрушивать на голову с абсолютной прямоотой в ее полном объеме. Используя эвфемистические выражения, в средствах массовой информации субъект речи вольно или невольно учитывает и эти факторы, избегая коммуникативных неудач или ограждая определенную часть широкого адресата своей речи от языкового, психологического или прагматического дискомфорта. Так или иначе основная масса эвфемистических средств служит целям языкового прикрытия социальных пороков нашей жизни или действий власти, названных обобщенной эвфемистической перифразой *непопулярные меры* [7, с.384–408].

По тому, какое языковое средство из набора возможных синонимов употребляет адресант, можно определить (и адресат это легко определяет!) и то, к какому социальному лагерю или статусу принадлежит посылающий информацию, и то, как следует, по мнению адресанта, относиться к смыслу сказанного. В эвфемистическом средстве уже заложена прагматическая установка по выработке мировоззренческих предпочтений у получателей информации. Например, такие слова, как *централизовать* и *обезвредить* частотны в сообщениях о действиях российских спецслужб и спецотрядов. Но о цели первых массированных ударов по Багдаду 20 марта 2003 года в информационных сообщениях по радио и телевидению говорили только как об *уничтожении Садама Хусейна*, что соответствовало сложившемуся к этому времени отношению российского общества к *развязыванию США войны с Ираком* (не к *разоружению Ирака*, как объяснял свои действия американский президент Дж. Буш, а именно к *развязыванию США войны в Ираке*, что выражало отношение России к этой войне).

В коммуникативной практике между отправителями и получателями подобных выражений единообразное понимание их смысла достигается за счет общности культурного и речевого опыта носителей языка, у них есть общие представления о том, что бывает и чего не может быть. Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы под успокаивающими сознание словами. Н.Д. Арутюнова об этом пишет так: «объектом вербализации в большинстве случаев является коммуникативный смысл высказывания, как бы он ни был выражен – прямо или косвенно. Вербализуется то, что «хотел сказать, имея в виду, участник коммуникации» [8, с.47]. Контекст обычно раскрывает денотативную ситуацию, подсказывая получателю сообщения в местах эвфемизации, что в них закодирован скрытый смысл, то есть то, что хотел сообщить отправитель информации. Например, прочтя фразу *Одной из задач Комитета по финансовому мониторингу является отслеживание*

тех, кто занимается отмыванием грязных денег, читатель хорошо понимает, что для отслеживания лиц, отмывающих водой испачканные денежные купюры, государство не будет создавать специальный комитет, следовательно, отмывание грязных денег – это нечто совсем иное, что это – очень серьезное экономическое зло для страны и что оно стало довольно распространенным.

Отдаленность создателей фразеологизирующихся высказываний от массового носителя языка всегда относительна. Условием реализации закадрового (или первичного) смысла у фразеологизированного выражения как раз и является общность основной суммы фоновых знаний у создателя фразы и тиражирующих ее лиц. Однако этнокультурного единства в этом случае явно недостаточно. Например, для человека, не знающего басню И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука» будет непонятен весь смысл выражения *А воз и ныне там*. Плохо знающие русскую классику читатели газет не понимают юмора заголовков статей, если эти заголовки строятся на переосмыслении авторских выражений. Например, *А судьи кто?* (о некомпетентности спортивных судей); *Что за комиссия, создатель?* (о директоре, создавшем комиссию по проверке расходов только из своих ближайших родственников) и т.п. кажутся им странными. Подобный читатель не понимает смысла и семантико-композиционной структуры ни заголовка, ни текста статьи, поскольку в его сознании не нашел отражения целый пласт общекультурного поля – литературного источника фразеологии, не создан общекультурный фон, на котором может быть воспринята прагматическая установка высказывания.

Итак, мы объясняем фразеологизацию анализируемого словосочетания *Отмывание грязных денег* тем, что его семантика, структура, лингвокультурный и прагматический потенциал оказались удобными для репрезентации ценностных доминант культуры и выражения актуальных смыслов эпохи с учетом особенностей языкового сознания современных россиян. Его развитие представляет собой типичный когнитивный процесс. Закрепление высказыванием метафорического значения достигается многократным повторением его нового смысла в различных дискурсах современной коммуникации.

The paper deals with phraseology mechanisms underlying the collocation *Отмывание грязных денег* (*dirty money laundering*). The lingual process is conditioned by the fact that linguistic, cultural, and pragmatic potentials of the collocation are convenient for implicit expression of actual sense patterns considering modern Russian lingual mentality.

The key words: *neo-phrase, euphemizing, lingvopragmatics, implicite meanings, semantic phrase structure, mentality of the Russians.*

Список литературы

1. Жуков А.В. Переходные фразеологические явления в русском языке. / А.В. Жуков. – Новгород: изд-во НовГУ им. Я. Мудрого, 1996. 132 с.
2. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. / А.М. Эмирова. Ташкент: изд-во «Фан» УзССР, 1988. 92 с.
3. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. / Л.И. Ройзензон. Самарканд: изд-во Самарк. ун – та, 1973. 147 с.4
4. Мокиенко В.М. Когнитивное и акогнитивное во фразеологии / В.М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. Т.1. Белгород: изд-во БелГУ, 2008. С. 13 – 26.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н.Ф. Алефиренко. М.: «Элпис», 2008. 271 с.
6. Гак В.Г. Логические основы развития значений слов в родственных языках / В.Г. Гак // Сравнительно-историческое и общее языкознание. М.: Наука, 2004. С. 84 – 91.
7. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). 2-е изд. М.: «Языки русской культуры», 2000. С.384 408.
8. Аругюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. / Н.Д. Аругюнова. М.: Наука, 1992. 287 с.
9. (МАС) – Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981 – 1984;
- 10.(ТСРЯ к. XX в.) – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / Под ред. Г.Н. Складчиковой. РАН, Инст. лингв. исслед. СПб.: изд-во «Фолио-Пресс». 1998;
- 11.(ТСРЯ XXI в.) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2000.

Об авторе

Шипицина Г.М.- доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного университета, gumvest.bgu@yandex.ru